

Robert Service

The End of the Cold War, 1985–1991

London: Macmillan, 2015

Книга Роберта Сервиса о конце холодной войны лишь на несколько месяцев опередила поток литературы о том, что холодная война возвращается¹. Журналисты и политологи вспоминают полузабытые концепты, а политики примеряют в своих речах риторику тридцатилетней давности. Все чаще приходится слышать, что именно отсутствие согласия по поводу событий 1991 года предопределило сегодняшний кризис международных отношений. Тем актуальнее оказывается задача, которую решает известный британский исследователь в своей новой книге.

Монография написана на богатом материале из российских и американских архивов; читателю открываются то детали обсуждения той или иной инициативы, то выразительные подробности личных оценок и индивидуального поведения. Перед глазами встает Леонид Брежнев, не решающийся нажать “красную кнопку” во время войсковых учений и пере-

спрашивающий у военных, точно ли это безопасно. Или Шеварднадзе, празднующий отставку “ястреба” Каспера Уайнбергера с поста министра обороны США. Или сам Уайнбергер, не умеющий под демонстрацией лояльности скрыть свое разочарование сближением Рейгана с Горбачевым. Из многочисленных мемуаров, использованных автором, мы можем “услышать” слова, произнесенные в самых закрытых кабинетах двух столиц при обсуждении политических шагов самой высокой степени ответственности. Для такого текста всегда найдется заинтересованный читатель.

“Конец холодной войны” — это подробный нарратив о том, что, где и как произошло в советско-американских отношениях 1980-х — начале 1990-х годов, отчего политики и журналисты смогли объявить о завершении холодной войны. Пожалуй, книга Роберта Сервиса — впервые в исторической науке — исследует завершающую стадию этого периода, опираясь на столь широкий круг источников, которые стали доступны исследователям за истекшие четверть века. Бла-

¹ См., напр.: LEVGOLD R. *Return to Cold War*. London: Polity Press, 2016; *The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia* // BLACK J. L., JOHNS M. (Eds.) London: Routledge, 2016.

годаря плотной концентрации фактов труд Сервиса может стать отправным пунктом для будущих читателей, которые захотят узнать что-то о событии, радикально изменившем ход истории второй половины XX века. По той же причине этот труд, вероятно, оставит у историков ощущение неудовлетворенности.

В самом деле, множество подобных по замыслу работ написано учеными позапрошлого века, историками-позитивистами, которые считали изобилие фактов, перенесенных ими из архивных дел на страницы монографий, главным достоинством своих текстов. Современные ученые склонны задавать вопросы прошлому, и в данном случае важнейший вопрос звучит так: почему холодная война завершилась? Почему завершились гонка вооружений и соревнование идеологий? Почему закончились битва за Европу и сражение за “Третий мир”? Прочитав книгу, мы гораздо лучше представляем себе, каким образом это произошло, но не получим объяснения причин. Да, любой ответ на такой вопрос будет оспорен следующими поколениями историков, но именно такой спор способствует пониманию общественных процессов, а вот самое точное описание деталей — нет.

Парадокс, тем не менее, состоит в том, что за истекшие десятилетия не было недостатка в относительно коротких текстах, авторы которых как раз стремились объяснить, почему холодная война закончилась так внезапно. Они предлагали собственные теории и выделяли решающие факторы в этом процессе, от падения цен на нефть до воли советского руководства, от давления Рейгана до экономических трудностей СССР. Благодаря фундаментальному труду Роберта Сервиса многие из этих работ теперь кажутся устаревшими, но, перенеся споры о причинах на несравненно более широкую источниковую базу, сам автор даже не попытался ответить на ключевой вопрос.

Этот важнейший пробел становится понятнее, когда мы увидим, что для Сервиса единственным объяснением была бы “роль личности в истории” — но он благоразумно избегает такого вывода. Дело в том, что большая книга Сервиса посвящена прежде всего деятельности четырех человек, “большой чет-

верки”, как он их называет, — Михаила Горбачева, Рональда Рейгана, Эдуарда Шеварднадзе и Джорджа Шульца — которые, по его мнению, и сыграли решающую роль в окончании холодной войны.

Можно спорить, надо ли было останавливаться на этой “четверке”, не заслуживают ли места в этом монументальном анализе другие фигуры советской, американской или европейской политики; но деятельность именно этих, выбранных Сервисом, политиков рассмотрена в книге очень подробно. Именно их разговоры, докладные записки, саммиты, брифинги и пресс-конференции составляют существенную часть содержания монографии. Этот подход найдет своих поклонников среди историков “большой политики” и бывших “кремленологов”, но вызовет закономерные сомнения у социальных историков или историков-конструктивистов.

Остановлюсь немного подробнее на том, что представляется мне наиболее спорным.

В качестве символа окончания холодной войны на суперобложку вынесено описание спуска советского флага над Кремлем в декабре 1991 года. Символизм и драматизм этого события и правда силен. Проблема в том, что смена флага на главном флагштоке СССР знаменовала собой другое событие, гораздо более важное для народов страны, которая перестала существовать. По мнению многих ученых, однако, конец Советского Союза не был окончанием холодной войны, она завершилась раньше или позже, или же не завершена до сих пор; споры об этом продолжаются. Например, посол США в СССР перестроечных лет Джек Мэтлок и сегодня продолжает доказывать ошибочность и ущербность такого взгляда, настаивая, что холодная война закончилась общей победой, а распад СССР был отдельным, самостоятельным событием.

Существует и мнение, что сегодняшние проблемы международных отношений коренятся в разном прочтении того самого эпизода 1991 года в американском и российском обществах. Доминирующей трактовкой конца холодной войны в США стала та, что содержалась в речи президента Дж.

Буша вскоре после распада СССР; президент сказал, что “Советского Союза больше нет. Это победа для демократии и свободы”². Это приравнивание конца холодной войны к победе американцев над СССР, вкупе с очевидной экономической и политической слабостью государств, появившихся на обломках “советской империи”, в 1990-е годы определило отношение к России как к побежденному врагу — страна могла рассчитывать на гуманитарную помощь и на советников, но не на учет ее интересов в мировых делах и не на полномасштабное и равноправное сотрудничество. В России же никогда не существовало единой точки зрения на завершение холодной войны, однако представление, что она закончилась общей победой, долго доминировало и в официальных заявлениях, и в мнении значительной части российского общества. В общую победу над холодной войной россияне внесли больший вклад, чем американские партнеры — такие рассуждения переключались с представлениями о Второй мировой, в которой СССР понес намного большие потери, чем США, для победы над общим врагом. Теперь так же — ради завершения холодной войны и общей победы над угрозой ядерного апокалипсиса — советский народ распустил собственную “империю”, отказался от идеологии и начал строительство “нормального” капиталистического общества, невзирая на резкое снижение жизненного уровня. Именно поэтому в России начала 1990-х распространена была вера в то, что США должны помочь своему союзнику, — если не “ленд-лиз”, то “план Маршалла” для бывшего Советского Союза представлялся справедливым развитием совместной победы над холодной войной.

Такое различие в трактовках само по себе заслуживает анализа; осознав его, можно

приблизиться к пониманию и движущих сил, которые привели к сворачиванию холодной войны в обеих странах, и последующей траектории российско-американских отношений.

Если же мы встанем на точку зрения, объединяющую распад СССР с окончанием холодной войны, то не окажется ли, что холодная война представляла собой *raison d'être* Советского Союза, не сумевшего пережить конец этого противостояния? Это очевидно не так, хотя иногда кажется, что, возвращаясь к практикам (скорее, риторическим) холодной войны, некоторые современные политики в обеих странах пытаются вызвать дух погибшего СССР. Сам автор в “Постскриптуме” называет период между 1991-м и 2014-м “перемирием между Россией и Америкой” (С. 499), что, на мой взгляд, представляется слишком поспешным суждением: риторика холодной войны не равна самой холодной войне, и период, начавшийся в 2014-м с аннексии Крыма (или в 2008-м с войны в Грузии? или в 2007-м с Мюнхенской речи? или в 2000-м с избранием В. Путина? или в 1999-м с “разворота над Атлантикой” Е. Примакова?), — этот период когда-нибудь получит у историков свое название.

На материале рецензируемой книги разница между заключительными страницами истории СССР и истории холодной войны становится особенно наглядной. Автор подробно рассказывает читателю о перипетиях политической борьбы в СССР и США, о переговорах на высшем уровне и на уровне министров иностранных дел, о проблемах с союзниками и соперниками. Однако распад СССР был все же конечной точкой не переговоров с США, а глубоких процессов, развернувшихся в советском обществе, высвобождения разнообразных политических сил, от демократов до националистов, по всему Советскому Союзу. В книге не нашлось места истории Перестройки, однако без нее логика, связывающая распад СССР с окончанием холодной войны, кажется ущербной.

По этой же причине сомнения вызывает распространенная — и повторенная Сервисом в начале книги — точка зрения, будто “президент Джимми Картер остановил разрядку в декабре 1979 года в ответ на советское вторжение в Афганистан” (С.2). Однако к де-

2 “The nuclear threat -- while far from gone -- is receding. Eastern Europe is free. The Soviet Union itself is no more. This is a victory for democracy and freedom. It's a victory for the moral force of our values. Every American can take pride in this victory, from the millions of men and women who have served our country in uniform, to millions of Americans who supported their country and a strong defense under nine presidents”. *End of the Soviet Union; Text of Bush's address to nation on Gorbachev's resignation* // The New York Times. 1991. December 26. URL: <http://www.nytimes.com/1991/12/26/world/end-soviet-union-text-bush-s-address-nation-gorbachev-s-resignation.html> (доступ 28.04.2016)

кабрю 1979 года почти все программы сотрудничества СССР и США были уже свернуты, встречи на высшем уровне прекратились, а в советско-американских отношениях доминировал спор о правах человека (хельсинкской “третьей корзине”). Причину свертывания “разрядки” надо искать прежде всего в американской внутренней политике, так же как и причину окончания холодной войны — в советской.

При всей симметрии, заложенной автором в описания советской и американской политической жизни второй половины 1980-х годов, очевидно, что политика США выглядит в книге более предсказуемо. В политических расколах того времени и критике, которой подвергалась команда президента Рейгана, можно различить контуры последующего периода — политики США по отношению к России в 1990-е годы. А вот будущее России и других стран бывшего СССР из этой точки рассмотреть невозможно, как и трудно представить исходя из этих данных и зигзаги внешней политики России после распада Советского Союза. Вводя в повествование “пятого” — президента США Джорджа Буша — автор лишь мельком упоминает Бориса Ельцина, чья политическая активность в не меньшей степени (и с бóльшим риском для него) приблизила тот самый спуск советского фла-

га над Кремлем. Более того, автор как будто стремится показать, что заслуга окончания холодной войны лежит на его “большой четверке” примерно в равных долях. Я бы возразил, считая, что именно советское руководство сыграло в этом процессе ключевую роль, выступив инициатором наиболее радикальных инициатив по сокращению оружия массового уничтожения, выведя войска из стран Европы и демонтировав мировую коммунистическую систему.

Мне представляется, что конец холодной войны не был феноменом исключительно международной политики — и не только по последствиям, но и по своим причинам и механизмам. Книга Роберта Сервиса, мастерски раскрыв “кухню” международно-политических решений в Белом доме и Кремле, с очевидностью показала, что основания для смены советского внешнеполитического курса лежали не там, а в общественных настроениях и социальной активности перестроечного Советского Союза. Последователи Роберта Сервиса, изучающие конец холодной войны, должны прежде всего исследовать эти движения, включая перемены в правящих элитах (и не ограничиваться двумя людьми на самом верху) и устремления советских граждан.

Иван Курилла